History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2020-14-1-63-77

ON THE HISTORY OF TURKIC PEOPLES' SOCIO-ECONOMIC LIFE IN KIEV: MIGRATION AND ADAPTATION (THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES)

Nataliya Nikolaevna Zub (Rudenko),

A. Krymskyi Institute of Oriental Studies of National Academy of Sciences of Ukraine,
4 M. Hrushevsky Str., Kyiv, Ukraine,
rudenkonatalie@yahoo.com.

The article examines the pages of socio-economic life and the history of the Turkic peoples in Kiev in the last decades of the 19th – early 20th centuries. A number of sources and archival materials, not previously introduced into scientific circulation are used in the work. Particular attention is paid to statistics, characterized by the collection and recording of information. In statistics, until 1917, all Turkic peoples fell under the general classification of the “Turkic-Tatar language group”. This approach introduces certain difficulties in the process of identifying a number of nationalities. Some difficulties are caused by statistics, based on religious principles. Given the integrated approach to the problem, the article reveals various aspects of the Muslims’ life and activities of in Kiev - from professional employment to spiritual life. Having changed the familiar native sociocultural environment, the representatives of the Turkic ethnic group gradually took root in the society of a large multinational city, which became their second home. Islam was always a unifying factor for the Turkic ethnic group, which was manifested in the unity of the Muslim community. The article also clarifies certain biographical facts of some Muslim community representatives from the city of Kiev.

Key words: Kiev, Turks, Tatars, Muslims, mullah, mosque, statistics.

Ethnically diverse, but invariably tolerant Kiev has always been friendly to all people. Representatives of different nationalities worked, got an education and profession there. They could change their destiny, find hope, and realize their eternal dreams for a better life.

In 1865, the population of Kiev totaled 71,365 people [Kyiv: providnyk, p. 127]. In 1912, the number of inhabitants increased by eight times and reached 550 094 people [Rada, 1913, No. 23, p. 2].

The intensive development of the city resulted not only in the increase of factories and plants, but also the inflow of labour force. City dwellers and their traditions formed the socio-cultural atmosphere of such a large industrial and cultural center, as Kiev the middle of the 19th century.

Migration flows of the population were a characteristic feature of the Russian Empire during the rapid development of cities at the end of the 19th century. The intense demographic growth of large

centers was a predicted consequence in the industrial development of conglomerations. Kiev was no exception. The population of the city increased in line with the major trends of that time. Kiev was at the top of the list among the largest cities of the empire.

The 1897 Census reflected the demographic composition among representatives of the peoples and nations of the city, based on the "language" criterion (which was accordingly linked in this regard with ethnic groups and nationalities). Kiev "spoke" more than 50 languages, according to the data revealed by the Census. The eighth place in the list of "top ten" was taken by the "Turkic-Tatar language group". The group was represented by the following indicators – 1974 people (male – 1833, female – 141), that is, 0.89%. At the same time, there were only 223 Turkish citizens in the city (188/35) [Pervaiia vseobschaia perepis naseleniia..., p. 85].

This "linguistic" group, which was relatively small in number, was quite diverse, both in terms of internal structure and in its external difference from other representatives of the urban population. The criterion for determining nationality by language, which existed until March, 1917, in the statistics of the Russian Empire, was changed only due to the persistent proposals by scientists to make changes to the established tradition and, unfortunately, did not unveil much of the hidden information, thus, depriving us of exact numbers and some ideas about real statistics for many nationalities today.

We inevitably rely on the statistical data, which means that we can operate, in fact, only on the basis of available indicators, and, accordingly, the terminology adopted for that period. It is indisputable that another important component of the general statistics was the registration of the city population according to its religious affiliation.

However, examples of certain generalization can also be found in the statistical data. Almost always, statisticians do not differentiate Tatars, that is, they do not take into account their ethnic diversity. Basically, statistics gives us general information on the basis of which it is difficult to identify Tatars included into the indicators, as they could be either Lithuanian and Crimean Tatars, as well as the Azerbaijanis (after all, they were also listed as "Caucasian, or Aderbeyjan Tatars" until 1917). They all fell into the general category of the group entitled "Tatars". Sometimes the term "Tatars" actually meant the "Mohammedans" (that is, "Muslims as the followers of Islam were called).

Perhaps, it was due to the fact that in quantitative terms the Tatars were the most represented group of people who professed Islam. Therefore, for many people, they were the personification of all the Muslims of the Empire. Accordingly, they "gave a name" to the column in the statistical data.

Undoubtedly, this interesting issue has been raised more than once before. Basic materials related to the subject of this study are disclosed in the works on Muslim ethnic minorities and on the history of Islam in Ukraine [Bubenok], [Iakubovich]. A number of important works of different years are devoted to the history of the Turkic-Muslim community in Kiev. One of the most famous works of the history researchers on the Kiev Muslim community and its Tatar representatives is the article by F. Bakhtinsky (Sengalevich) [Bakhtinsky], published in 1931. It is a very small, but informative article, which has been a basis and guideline for historians so far. The author managed not only to capture the elusive moments of the Tatar community, but also conveyed the lively spirit of that era. In the 1990s, the work by M. Kalnitsky, a historian from Kiev, was published [Kalnitskii]. The author focused on the history of the Muslim Prayer House (mosque) in Kiev. One can also mention the book of memoirs by M. Galeeva, a Tatar who lived Kiev [Galeeva]. It is worth noting a study on the history of the Muslims in Kiev, which was published by the authors N. Rindyuk and I. Rindyuk [Rindyuk N., Rindyuk I.]. Other historians also addressed this topic, for example, N. Zub (Rudenko) [Zub (Rudenko)] and D. Brilev [Brylov]. The breadth and variety of existing studies allows us to analyze already known facts and identified materials, and expand the vectors aimed at finding and opening new documents and pages of ancient Kiev history.

To study and consider the aforementioned research topics, we have chosen different sources of information, their study and analysis can help to identify and disclose different aspects of life of the Turkic-Muslim community from Kiev urban society.

The representatives of the Turkic, as well as other eastern peoples, were always identified in the composition of the ancient Kiev population. Even though their number was extremely low, their presence in the spectrum of nationalities among other city inhabitants was invariably appreciable. The practice of describing all kinds of oriental guests at the Contact Fair (Contracts) became a tradition in Kiev in 1797. The art historian F. Ernst describes a small scene at the fair in such a way:

“A contract house gone gray with age, with its four massive columns studded with ads. Inside are “eastern people” who sell shawls and pantoflies, a Tatar with Kazan soap, linen, Ural stones, huge piles of colorful manufactory ...” [Ernst, p. 3]. After all, such guests in their traditional clothes undoubtedly attracted attention of local people. However, in the second half of the 19th century, when the multi-ethnicity of the Kiev population increased, such a scene was already perceived as a daily routine. Advertisements from Masum Khabibulin (the way of spelling his name as Mosum Khabibullin is also found), who was selling Kazan soap, were always published during the fair in the newspaper “Kievlyanin”, at the beginning of the century. A remark in the upper corner of the advertisement indicated: “Trading on the Contracts since 1869”. The address remained unchanged: “<...> in the same place in the Contract House, top floor, Store No. 1”. Here was a warning: “Do not mix up with a namesake”. He was not at the fair in 1906, as he himself explained: “because of the workers’ strike” [Kievlyanin, 1907, No. 49, p. 8].

A characteristic feature of Kiev was the lack of compact places or isolated marginal areas for the predominant residence of certain groups, belonging to particular ethnic minorities. Typically, their settlement was evenly distributed throughout the city. The choice of the place of residence depended on both occupation and place of work. One of a kind is the toponym Tatarka, which has remained on the map of Kiev forever.

Researcher F. Bakhtinsky notes that, having left Tatarka, “the Tatars settled around Zhitny Bazaar, the bottom end of Olegovskaya Street and Lukyanovsky Lane <...>. And also the bottom end of Mirnaya Street” [Bakhtinsky, p. 30]. This settlement situation remained typical for the last decades of the 19th - early 20th centuries, although it was not indicative. The representatives of the Turkic ethnic group, living in Kiev, were mainly engaged in trade, mostly retail, as well as peddling, baking, and selling bread. Therefore, the settlement area between two large markets, Zhitny on Podol and Lukyanovsky, was most suitable for them.

At first, the Tatars, who came to Kiev, rented flats in one or two-storey buildings of local traders. Now this area has changed a lot. The houses, associated with the history of old Kiev, were demolished in the 1980s. Mirnaya Street is no longer on the map of the modern city.

Turkish subjects were most often employed in the baking trade. According to the Census of 1897,

they numbered 223 people in Kiev (male - 188, female - 35), in 1917 - 246 (male - 197, female - 49) [Khodos, 1926, p. 23]. Some of them had their own bakeries and confectionaries, occasionally even coffee houses and canteens. For example, Cholak-Zade Halit Effendi (Cholakov Halit), Ahmed Ferah-Zade, Halit Kich-Kich-Ogly and others proved to be quite successful and enterprising in this regard.

Accordingly, these small businesses employed their compatriots, of the same Turkish nationality. However, representatives of other ethnic groups could find a job there. It is noteworthy that to be a Turkish citizen meant only the citizenship of the Ottoman Empire. However, not all subjects of the Turkish Sultan were ethnic Turks. In this case, it was just the fact of “citizenship”. Therefore, among such bakers, Turkish subjects, there were Armenians, Greeks, and other nationalities. The local newspapers of that time published small notes about the imposition of administrative fines on the owners of such establishments. From time to time, the Kiev sanitary doctor inspected trade establishments and manufacturing enterprises. All negligent owners of bakeries could be fined, Turkish citizens among them. And as a result, a protocol and a fine of 30 or 40 rubles followed. The first fine was “for the unsanitary maintenance of the premises of their establishments”, the second - “for the cramped and dirty maintenance of the premises of their workers” [Kievlyanin, 1900, No. 150, p. 3]. If the inspection was conducted by the police, not by a doctor, there might be arrests:

“<...> Turkish citizens Ahmed-Osman-Effendi-Ogly and Ali-Vizo-Usto-Ulo-Oglu were arrested by the police at Bessarabian Bazaar; those arrested sold rolls on the locker; they were searched, and a dagger and more than 100 cartridges for Berdanok rifles were found” [Kievlyanin, 1907, No. 197, p. 3].

In 1907, such episodes were no longer uncommon, although in general, any high-profile crimes were committed not by bakers, Turkish citizens, but by “touring criminals”. It is noteworthy that such publications about the Tatars were extremely rare in the local press, this is one of such recorded events:

“<...> during a quarrel, Tatar tradesman Dintemir Telenov stabbed a wound in the face of peasant Vasilisa Slodkovskaya. The emergency doctor provided a medical aid to the injured, and the perpetrator is held accountable” [Kievlyanin, 1904, No. 182, p. 3].

At the same time, we did not take into account the information with the wording “some unknown Tatar”. It should be noted that over time the situation changed: for example, in 1916, thirty two Tatars were detained for the committed crimes; in 1917, there were twenty seven. The statistics (according to religious affiliation) had twenty seven Mohammedans among those arrested [Nova Rada, 1917, No. 163, p. 2].

There were other statistical ratings for Muslims: for example, in 1904, 676 Mohammedans lived in Kiev. Among the “persons trading with the certificates of the fourth and fifth categories” (which included small retail stalls, shops and lockers, in which customers were served by the owner himself, small establishments of consumer services, delivery and peddling trade), there were sixteen Karaites and Muslims. In the same year, the ambulance station provided services to ten Mohammedans [Ves' Kiev, 1907, pp. XXII, XXII].

The Tatars, arriving in Kiev, stayed there forever. They brought their families, immediate relatives, and, as usual, got children. The evidence of such migrations is found not only in the memories of the people who lived in those times, but is also fixed in the data on the birth of little Kiev-Mohammedans. For example, in 1912, 25 children were born in Muslim families (13 boys and 12 girls). Given that 11,144 children were born that year in Kiev, this figure does not look too impressive [Izvestiya Kievskoy Gorodskoy Dumy, 1913, No. 4, p. 3]. In August 1908, 5 children were born (b. – 3, g. – 2) [Izvestiya..., 1908, No. 9, p. 1]. A similar situation repeated in January 1915 – 5 children (b. – 3, g. – 2) [Izvestiya..., 1915, No. 5, p. 3]. Cases of birth of illegitimate children were rather an exception: of the two boys born in July 1909, one was born out of wedlock [Izvestiya..., 1909, No. 7–8, p. 1]. In November 1914, out of 2 boys and 2 girls, 1 boy was marked as illegitimate [Izvestiya..., 1915, No. 3, p. 3]. Information on the birth of children by Muslims of foreign nationals was recorded only once in February, 1909.

At the same time, despite a certain isolation of the community, there were mixed family unions, however, their number was not significant. There is one archival case revealing details of such a relationship. Tatar Nezamidin Bogoudinov (Nezametin Bagautdinov) who was from “Nesibash village, the Zoloustovsky district in the Ufa province”, after nine years of cohabitation, wanted to legitimize his relationship with Anastasia Polikhova of the trading family in Kiev. However, judging by the materials set out in the case, the story did not have a

happy ending [DAKO. F. 2. Op. 75. D. 310, pp. 30, 36].

According to the Census of 1897, the Mohammedan population of Kiev (1759 people) was represented mainly by the age group of 20–29 years, the next group – 30–39 years, and then – 10–18, 40–49, 1–9, 50–59 years old. That is, the numbers show that there were mostly young people of working age [Pervaya..., pp. 278–279].

The 1897, the Census provides us with the data on “the distribution of the population by occupation and nationality, based on their native language”. The main occupations for the Tatar native speakers, apart from the “armed forces”, were “distribution and retail trade”, “processing of plant and animal nutritious products”, “trade in agricultural products” [Ibid, pp. 198–199].

However, some of the Tatars eventually opened their own businesses and were engaged in entrepreneurship. Their businesses, judging by the advertising, were not only successful, but also quite profitable. The example is the production of koumiss and kefir, which were popular at the time and were advertised throughout the empire as healthy products. On one of the central streets of the city, Fundukleevskaya (now Bogdan Khmel'nitsky), there was an office, which dealt with the “orders for delivery of koumiss and kefir to your home”. Alyavetdin Kamalidinov (also found as Kamaletdinov) was engaged in such type of activity. His “firm” was founded in 1889. He also sold horse meat at the Zhitniy Bazar. The merchant was engaged in selling the healing drink not only in Kiev, but also at dachas and the nearest stations of Svyatoshino and Boyarka. In addition, he offered an unusual service: the customer could, with the help of the master, prepare the drink on his own at home [Kiev, 1904, p. 107]. The data from the police chief's report of 1909 “reveals” his biography to us: “Aleuddin Kamalidinov, 45 years old, Mohammedan, comes from the peasants of the village of Shubino, the Sergach district of the Nizhny Novgorod province, has been living in Kiev for more than 18 years, is engaged in trade. He does not have property in Kiev, but he has a house and five acres of allotment land of his own at the place of his birth” [DAKO. F. 1. Op.144. D. 997. P. 8 rev].

Another entrepreneur engaged in manufacturing and saling koumiss and kefir was Exan Yagudov. His trading premises were in the central parts of the city [Kievlyanin, 1901, No. 131, p. 7]. Later, his brother Osman Yagudov joined his business. They rented pavilions from the city to sell

koumiss in Nikolayiv Park and the Royal Garden. The rent charged for such places, because of competition, increased from year to year [Izvestiya..., 1908, No. 3, p. 46].

Batretdin Khabibulin was also successful. He traded in Kazan soap [Ves' Kiev, 1909, column 949]. It was in high demand. That is why the aforementioned Kazan merchant "warned" his buyers not to confuse him with his namesakes. Archival documents reveal more detailed information about him: "Bedredin Khabibulin, 45, a Mohammedan, comes from the peasants of the village of Kochki Pozharki, the Sergach district of the Nizhny Novgorod province, has lived in Kiev for about 25 years, trading in soap in his own shop on Khreshchatyk Square – the corner of No. 1 Malo-Zhytomyrskaya" [DAKO. F. 1. Op.144. D. 997. Pp. 8–8 rev]. It is noteworthy that in 1915, B. Khabibulin received a bronze medal "for the exhibits at the All-Russian Exhibition of 1913 in Kiev" [Kievlyanin, 1915, No. 42, p. 4].

The Tatars in Kiev were not only engaged in trading goods, "making shurum-burum", but also studied at university. At least their children did. For example, Izatulla Attaulov(ich) (born 9 August, 1895), in 1915, continued his studies at the medical faculty of Kiev University of St. Vladimir. In this regard, he received a deferment from serving in the army. His brother, Tubakaev Tyavfek Attaulov (born 27 August, 1894) became a student of the same faculty the same year [DAK]. Their father, Ataulla Tubakaev, kept a buffet at the station in Zhmerinka [DAKO. F. 1. Op.144. D. 997. Pp. 10–10 rev]. Moreover, in 1912–1913, there was a "Society for Mutual Assistance of Muslim Students at the University of St. Vladimir". The Tatars were involved in its organization, along with other students. However, the authorities did not like this activity and in April 1913, the arrest of the assets followed. The authorities did not find the corpus delicti and the case was closed [Kupchik, Damirov, 2013, pp. 47–59]. In 1912, 42 Muslim students studied at the university [Rada, 1912, No. 157, p. 2]. In 1915, their number decreased to 35 people [Kievlyanin, 1915, No. 45, p. 2]. The reason for this was, probably, the beginning of World War I.

Turkic peoples are known for their zeal for religion. Islam has always been a force for unity, which was expressed in support and mutual assistance for the people of the same religion. However, at the end of the 19th century, other trends also played their role. In particular, it was the Muslim's adoption of Orthodoxy. Typically, such cases were

noted among former Turkish prisoners of war, who wished to remain in the Russian Empire and change their citizenship. So, in the report of the Kiev St. Vladimir Brotherhood of Zealots of Orthodoxy of 1897 it was indicated, that among the 103 baptized persons there were Mohammedans – 4 men and 5 women [Kievlyanin, 1898, No. 40, p. 3].

Perhaps, such facts prompted Kiev Muslims to act more actively in ensuring their religious rights and freedoms. Pouring into the structure of a big city, merging with a new homeland, Kiev, the Turkic peoples always tried to preserve one of their important national and cultural features– Islam. From the beginning of the 1890s, Kiev authorities became interested in issues related to the Mohammedans and initiated correspondence with the Taurian Mohammedan Spiritual Authorities. In November 1892, Yunis Alimov, a peasant, authorized by the society of Tatar Muslims of Kiev, petitioned the provincial authorities. The content of his petition voiced the desire of the society to come together for a "five-time prayer". As there was no mosque in the city, the Muslims chose a private house as a praying place [DAKO. F. 1. Op. 136. D. 481. P. 32]. In such a way the Muslim community of Kiev began organizing their spiritual life and initiated the opening of a Muslim Prayer House. It took the community several years to achieve their goal. During this time, "the society was to: elect the Tatar of the Nizhny Novgorod province (the Sergach district of the Semenovsky volost) Yunus-Alimov as our confessor-mullah, Imam-Khatiben we call it" [Ibid, p. 33]. By the way, it was realized thanks to the efforts of the authorized people from the "Mohammedan Society of Tatars, living in the city of the Nizhny Novgorod Province" and the above-mentioned Ksan Yagudov (Exan) and Sherefendin Khabibulin (Batretdin Khabibulin's brother) [Ibid]. The correspondence between the officials took a lot of time. The authorities of the Kiev province supported the initiatives of the Muslim community. However, in order to sort out all the issues of a new and completely unfamiliar business, they had to clarify a lot of questions, which also took a lot of time. However, most of the time was consumed by the correspondence with the Taurian Mohammedan Spiritual Rule.

The long period of waiting yielded results. On October 3, 1897, a prayer house opened for Muslim parishioners. The chapel was originally set up in a house, chosen a few years earlier. This was the house of Kalinovich, located at No. 5 Lukyanovsky Lane [TsDIAG of Ukraine. F. 127.

Op. 1051. D. 675]. A few years later, Mullah Alimov petitioned the officials again. He had a new dream – the construction of a real mosque, made of stone and a school at it. The Muslim community of the city, inspired by such this idea, jointly got down to business. In 1908, Muslim residents got a piece of land from the city authorities, 800 fathoms in Gogolevskaya Street [Utro, 1908, No. 526, p. 2]. One of the key problems that Muslims had to overcome was the lack of funds needed to implement the developed and approved architectural project and its estimates. Moreover, the local community did not have rich patrons. They did not have their own “emir”. It is well known, for example, that the emir of Bukhara very actively patronized the construction of a mosque in St. Petersburg. In addition, there were two more significant obstacles. The Minister of Internal Affairs authorized the collection of funds for the construction, but only within the Kiev province. It was also necessary to fulfill the condition set by the local authorities – to build a mosque before January 1, 1914 [Kalnitskii, p. 15].

At the end of October, 1913, the first stone was laid in the foundation of the future building – the Mohammedan cathedral mosque. This important event in the life of Kiev Muslims was held in a festive atmosphere [Zakladka magometanskoi mecheti, 1913, p. 2]. However, this project was not to be completed, at least in the early 20th century. The project became a reality only at the end of the century, when the Muslim community of Kiev built a mosque and called it Ar-Rahma.

In 1909, Yunis Alimov was appointed full-time mullah of the Kiev Military District. Since that time, the area of his official activity was “all units of the command troops, institutions and establishments of the Kiev district, located on the right bank of the Dnipro River” [Utro, 1909, No. 846, p. 5]. He transferred his duties to his successor. The new mullah was Zhiansha Zhabbarov (Zegansha Abdulzebarov). He was 29 years old and got a special education at a Muslim school in Astrakhan. He came from the “peasants of the village of Shubino, the Sergach district of the Nizhny Novgorod province”. He settled with his wife and three children at

No. 8 Cherny Yar Str. [DAKO. F. 1. Op. 331. D. 184. Pp. 19, 76]. At that time, the Muslim prayer house had a new address – No. 5 Cherny Yar Str. He remained the Kiev mullah at least till the end of 1915. As a result, Zhegansha Zhabbarov returned to Astrakhan, where he became imam of the Kriushinsky mosque [Imasheva, p. 44].

On the eve of the great Muslim religious holidays, the Kiev Ukrainian-language newspaper “Rada” posted information about the upcoming solemn prayer meetings. On this occasion, the city government gave a permission to conduct religious rites in the Contract House [Rada, 1906, No. 36, p. 3]. It became a regular occurrence in Kiev, because the size of the existing Prayer House did not allow for holding such events.

Given the fact that almost all members of the Tatar community belonged to the peasant estate, the main cause of migration is obvious. Initially, it was labor migration, or, the so-called “peasants’ exodus for work”, which led to a gradual settlement in a new place. Comparing the statistical data, we can observe a gradual increase in the Turkic-Muslim component in the Kiev urban society. However, some of the factors that contributed to the increase in migration flows, are worth mentioning. For example, for the Tatars of the Volga region those were lean years of 1906 and 1921. In general, it was a gradual process of micromigration.

It is difficult to identify exclusively Tatar or Turkish component or other Turkic peoples, based on general statistical data or religious indicators. One of the examples of the lack of accurate statistics on the number of Muslim residents in the city was the fact that the mullah’s position appeared comparatively late. At that time, the statistical committee got a significant part of their information from church parishes or from clergy of religious communities. The search for archival documents and different other materials continues. It will help researchers to get the information hidden behind the lines of numbers. Further work in this direction will contribute to the discovery of unknown facts and events in the fate of people.

Table 1.

The number of Mohammedan population in the city of Kiev

	1859 г. (m/f/total)	1862 г. (m/f/total)	1874 г. (m/f/total)	1897 г. (m/f/total)	1904 г.	1908 г. (m/f/total)	1910 г. (m/f/total)	1912 г.
Mohammedans	6/-/6	10/-/10	70/16/86	1690/69/1759	673	890/373/1263	891/647/1538	1704
Residents of Kiev, total	63 015	70 341	116 774	247 723	332 508	450 904	497 187	550 094

References

- Bakhtinskii, F. (1931). *Po staromu Kyievu. Tatarka* [Touring Old Kiev. Tatarka]. Hlobus, 2 (170), pp. 30–31. (In Ukrainian)
- Brilov, D. (2018). *Kiyivs'ka musul'mans'ka hromada v doradyans'ki chasy (druha polovyna XIX – pochatok XX st.)* [Muslim Community of Kiev before Soviet Times (second half of the 19th century - beginning of the 20th c.)]. Gileya, pp. 129, 209–212. (In Ukrainian)
- Boguslavskii, S. M. (Ed.). (1907). *Ves' Kiev: adresnaia i spravochnaia kniga* [All Kiev: Address and Reference Book]. 660 p. Kiev, Tipografiia 1-i Kievskoi arteli Pechatnogo dela. (In Russian)
- Boguslavskii, S. M. (Ed.). (1909). *Ves' Kiev: adresnaia i spravochnaia kniga* [All Kiev: Address and Reference Book]. 776 p. Kiev, Tipografiia 1-i Kievskoi arteli Pechatnogo dela. (In Russian)
- Bubenok, O. B. (2006). *Musul'mans'ke naselennia na terenakh suchasnoi Ukrainy: osoblyvosti formuvannia etnichnoho skladu*. [The Muslim Population in Modern Ukraine: Features of the Ethnic Composition Formation]. Skhidnyi svit, pp. 1, 25–48. (In Ukrainian)
- DAKO. F. 1. Op. 144. D. 997. (In Ukrainian)
- DAKO. F. 1. Op. 331. D. 184. (In Ukrainian)
- DAKO. F. 2. Op. 75. D. 310. (In Ukrainian)
- Derzhavnyi arkhiv m. Kyiv (DAK) [State Archives of Kyiv]. F. 16. Op. 465. D. 6063. Pp. 18, 24 ob., 32. (In Ukrainian)
- Derzhavnyi arkhiv Kiyivs'koi oblasti (DAKO) [State Archive of the Kyiv Region]. F. 1. Op. 136. D. 481. (In Ukrainian)
- Ernst, F. (1924). *Kontrakty ta Kontraktovyi budynok u Kyivi: kul'turno-istorichnii narys* [Contracts and the Contract House in Kyiv: A Cultural and Historical Study]. (In Ukrainian)
- Ernst, F. (Ed.). (1930). *Kyiv: providnyk* [Kyiv: A Conductor]. Kyiv, Derzhrest “K.-D.”. (In Ukrainian)
- Galeeva, M. (2000). *Po sledam davnih predkov: reportazh o kievskikh tatarakh* [In the Footsteps of Ancient Ancestors: Report on the Kiev Tatars]. 37 p. Kiev, [b.i.]. (In Russian)
- Iakubovych, M. (2016). *Islam v Ukraini: istoriia i suchasnist'* [Islam in Ukraine: History and Modernity]. Vinnitsia, TOV “Nilan-LTD”. (In Ukrainian)
- Izvestiia Kievskoi Gorodskoi Dumy (1880 – 1915) [The News of the Kiev City Duma]. Ezhemesiachnii zhurnal. Kiev. (In Russian)
- Imasheva, M. M. (2014). *Kriushinskaia mechet' i ee pervyi imam (iz istorii musul'manskoi obshchiny Astraxani v nachale XX veka)* [The Kriushinskaya Mosque and Its First Imam (from the history of the Muslim community of Astrakhan in the early twentieth century)]. Islamovedenie, pp. 3, 36–44. (In Russian)
- Kalnitiskii, M. (1999). *Pid znakom pivmisiatsia* [Under the Sign of the Crescent]. Yanus. Nerukhomist', pp. 10, 14–15. (In Ukrainian)
- Khodos, M. R. (1926). *Materialy po statistike naseleniia g. Kiieva* [Materials on the Statistics of the Population in Kiev]. 194 p. Kiev. (In Russian)
- Kiev. Spetsialnyi sbornik torgovo-promishlennih firm dlia spravok po vsem otraslyam komertsii i professii (1904) [Kiev. A Special Collection of Commercial and Industrial Firms for Information on All Branches of Commerce and Professions]. Illyustrirovanyi putevoditel. Vse vazhnie adresa, spravki i svedeniia. 225 p. Kiev, Izdanie G.K.T. (In Russian)
- Kievlyanin – ezhednevnaia obschestvenno-politicheskaia i literaturnaia chastnaia gazeta (1864 – 1919) [The Kievite, a daily (since 1879) socio-political and literary private newspaper]. Kiev. (In Russian)
- Kupchik, O. R., Damirov, A. U. (2016). *Studenty-azerbaidzhantsy goroda Kiieva v obschestvenno-politicheskoi zhizni Ukrainy (1900–1917 gg.)* [Azerbaijani Students in the City of Kiev in the Political Life of Ukraine (1900–1917)]. 160 p. Kiev, Izdatelskiy dom Dmitriia Burago. (In Russian)
- Nova Rada – ezhednevnaia politicheskaia, ekonomicheskaia i literaturnaia gazeta (1917 – 1919) [The Nova Rada, a daily political, economic, and literary newspaper]. Kiev. (In Ukrainian)
- Rada – ezhednevnaia politicheskaia, ekonomicheskaia i literaturnaia gazeta (1906 – 1914) [The Rada, a daily political, economic, and literary newspaper]. Kiev. (In Ukrainian)
- Rindiuk, N., Rindiuk, I. (2011). *Iz zhizni musul'man Kiieva (seredina XIX v. – 1917 g.)* [From the Life of Muslims of Kiev (middle of the 19th century – 1917 year)]. Ukraina i islamskii mir, pp. 5, 42–49. (In Russian)
- Troitskii, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire, 1897]. (Tom XVI. Kievskaya guberniia). 310 p. Sankt-Peterburg. (In Russian)
- Tsentrāl'nyi derzhavnyi istorichnyi arkhiv Ukrainy, m. Kyiv (TsDIAK Ukrainy) [Central State Historical Archives of Ukraine, m. Kyiv]. F. 127. Op. 1051. D. 675. (In Ukrainian)
- Utro – ezhednevnaia politicheskaia, obschestvennaia, literaturnaia i ekonomicheskaia gazeta (1906–1916) [The Utro, a daily political, social, literary and economic newspaper]. Kharkov. (In Russian)
- Zakladka magometanskoi mecheti [The Founding of the Mohammedan Mosque]. (1913, 30 October). Kievskaya mysl', p. 2. (In Russian)
- Zub (Rudenko), N. N. (2016). *Tiurkskie narody v Kieve (I polovina XX v.)* [Turkic Peoples in Kiev (the first half of the 20th century)]. Abstracts of Papers'16: I Türkoloji Qurultayın 90 illiyinə həsr olunmuş “Türkoloji elmi-mədəni hərəkətdə ortaq dəyərlər və yeni çağırışlar” mövzusunda Beynəlxalq konfransın. (I hissə), pp 400–409. Bakı. (In Russian)

К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В Г. КИЕВЕ: МИГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Наталья Николаевна Зуб (Руденко),

Институт востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины,
Украина, г. Киев, ул. М. Грушевского, 4,
rudenkonatalie@yahoo.com.

В статье рассматриваются страницы истории и социально-экономической жизни тюркских народов в Киеве в последние десятилетия XIX – начале XX века. В работе использован ряд ранее не введенных в научный оборот источников и архивных материалов. Особое внимание уделено данным статистики, охарактеризованы особенности сбора и учета сведений. В статистике до 1917 г. все тюркские народы подпадали под общую классификацию «тюркско-татарской языковой группы». Подобный подход вносит определенные сложности в процесс идентификации ряда национальностей. Некоторые трудности вызывает и статистика, основанная по вероисповедному принципу. С учетом комплексного подхода к проблеме раскрываются разные стороны быта и деятельности мусульман Киева – от профессиональной занятости до духовной жизни. Сменив привычную родную социокультурную среду обитания, представители тюркского этноса постепенно крепко укоренились в социуме большого многонационального города, который стал для них вторым домом. Объединяющим фактором для тюркского этноса всегда выступал ислам, что проявлялось в сплоченности мусульманской общины. Также сделаны уточнения отдельных фактов биографического характера некоторых представителей мусульманского сообщества города Киева.

Ключевые слова: Киев, турки, татары, мусульмане, мулла, мечеть, статистика.

Разнообразный в этническом отношении, но неизменно толерантный Киев всегда был дружелюбен ко всем народам. Представители разных национальностей здесь работали, получали образование и профессию, могли изменить свою судьбу, обрести надежду и осуществить извечную мечту каждого человека на лучшую жизнь.

К 1865 г. население Киева насчитывало 71 365 человек [Київ: провідник, с. 127], а, например, по состоянию на 1912 г. его численность достигала уже 550 094 жителей [Рада, 1913, № 23, с. 2], то есть население города выросло приблизительно в 8 раз. Интенсивное развитие города служило прямым посылком к увеличению не только количества зданий заводов и фабрик, но и потока рабочих масс. Городские жители, их традиции, образовывали социально-культурную атмосферу большого промышленного и культурного центра, каким был Киев начиная с середины XIX века.

Миграционные потоки населения периода быстрого развития городов конца XIX века были характерным явлением для Российской империи. Интенсивный демографический рост

крупных центров являлся прогнозированным следствием в промышленном развитии конгломераций. Не было исключением и Киев. Население города увеличивалось в общих тенденциях того времени. Киев находился на первых позициях в линейке крупных городов империи.

Перепись 1897 г. установила градации демографического состава среди представителей народов и наций города, критерием для которых тогда служила «языковая категория» (что, соответственно, уравнивалось в этом отношении с этнической и национальной принадлежностью). Киев «говорил» более чем на 50-ти языках, именно такие данные обнародовала перепись. Восьмое место в перечне – «первой десятке» – заняла «тюркско-татарская языковая группа». Наполненность этой группы отразили показатели: 1974 человек (муж. – 1833, жен. – 141), то есть 0,89%. При этом турецких подданных в городе насчитывалось всего 223 человека (188 / 35) [Первая всеобщая перепись населения..., с. 85].

Эта «языковая» группа, хотя и была относительно малочисленной, все же была достаточно разной как по внутренней наполненности, так и

по внешней несхожести среди других представителей городского социума. Бытовавший до марта 1917 г. в статистике Российской империи критерий определения национальности по языку изменился только благодаря настойчивым предложениям ученых внести изменения в сложившуюся традицию и, к сожалению, не донес до нас много скрытой информации, тем самым лишая нас сегодня точных цифр и некоторых представлений о реальной статистике относительно многих национальностей.

Мы неизбежно привязаны к общим показателям статистики, а значит, и оперировать, по сути, можем только исходя из имеющихся показателей, а соответственно, и терминологии, указанной и принятой для того периода. Бесспорно, что еще одной важной составляющей общей статистики являлся учет населения города по вероисповеданию.

Однако следует указать на примеры в статистических ведомостях, когда данные представлены в обобщенном виде: почти всегда статистика не вычленяет татар, то есть не учитывает их этническое разнообразие. По сути, статистика дает нам общие данные, по которым нет возможности уяснить, какие именно татары вошли в цифровые показатели. Ведь это могли быть и литовские, и крымские татары, и азербайджанцы (они до 1917 г. тоже значились как «кавказские или азербейджанские татары»). Все эти народы попадали в общую статистику группы, озаглавленную как «татары». Вместе с тем наблюдается и своеобразная подмена понятий: иногда термин «татары» фактически обозначал или уравнивался с термином «магометане» (то есть «мусульмане»), следуя тогдашнему употреблению именованию последователей ислама). Возможно, это происходило вследствие того, что татары были наиболее представительной в количественном выражении группой населения в социуме, исповадовавшей ислам, и воспринимались обществом как олицетворение всех мусульман империи, а соответственно, и «давали имя» колонке статистики.

Несомненно, эта интересная тема уже не раз поднималась ранее. Базовые материалы, сопряженные с тематикой данного исследования, раскрыты в работах, в которых рассматриваются мусульманские этнические меньшинства и история ислама на Украине [Бубенок], [Якубович]. Вопросам истории тюркско-мусульманской общины Киева посвящен ряд важных трудов разных лет. Одной из самых известных работ среди исследователей истории мусуль-

манской общины Киева и ее представителей татар является статья Ф. Бахтинского (Сенгалевича) [Бахтинський], опубликованная в 1931 г. Совсем небольшая, однако очень информативная статья служит определенной основой и ориентиром для историков и по сей день. Автору удалось не только зафиксировать ускользающие моменты бытия татарской общины, но и передать живой дух эпохи. В 1990-е гг. была опубликована работа киевского краеведа М. Кальницкого [Кальницький]. Автор обратил свое внимание на историю появления в Киеве молитвенного дома мусульман (мечети). Также можно упомянуть о книге воспоминаний киевлянки-татарки М. Галеевой [Галеева]. Следует отметить и исследование по истории прошлого мусульман Киева, которое опубликовали авторы Н. Риндюк и И. Риндюк [Риндюк Н., Риндюк И.]. Обращались к этой тематике и другие историки, например Н. Зуб (Руденко) [Зуб (Руденко)], Д. Брилев [Брильов]. Широта и разнообразие существующих исследований позволяет нам проанализировать уже известные факты и выявленные материалы, а вместе с тем и расширить векторы, направленные на поиск и открытие новых документов и страниц истории древнего Киева. Эти восполненные пробелы позволят сохранить позабытое в памяти, ушедшее во времени, исчезнувшее на картах города.

Для изучения и рассмотрения означенной тематики исследования мы выбрали различные направления и данные, изучение и анализ которых могли бы помочь выявить те или иные стороны жизни представителей тюркско-мусульманской общины городского социума Киева.

Представители восточных, тюркских народов всегда упоминались в составе населения древнего Киева. Их численность была крайне низкой, однако их присутствие в спектре национальностей жителей города неизменно отражалось, также сохранялась тенденция повествования о всевозможных восточных гостях на Контрактовой ярмарке (Контрактах), ставшей традиционной в Киеве с 1797 года. Историк-искусствовед Ф. Эрнст так описывал маленький эпизод картины ярмарки:

«Серый от времени контрактовый дом со своими четырьмя массивными колоннами облепленными объявлениями. Внутри – „восточни человеки“, которые продают шали и пантофли, татарин с казанским мылом, белье, уральские камни, большущие кучи разноцветной мануфактуры...» [Эрнст, с. 3] (перевод наш. – Н. З.).

Ведь такие гости в своих одеждах и со своими традициями, несомненно, вызывали любопытство у местного населения. Однако для второй половины XIX века, по мере все большего возрастания полиэтничности населения Киева, подобное уже воспринималось если и с интересом, но уже как повседневная обыденность, нисколько не вызывающая удивления. Даже в начале века в газете «Киевлянин» с началом Контрактов обязательно появлялись объявления от Масюма Хабибулина (встречается написание и Мосюм Хабибуллин). Он торговал казанским мылом. Реплика в верхнем углу рекламы указывала: «Торгующий на контрактах с 1869 года». Адрес был неизменный: «<...> на старом месте в Контрактовом доме, верхний этаж, магазин № 1». Здесь же и предупреждение: «Не смешивайте с однофамильц.». В 1906 г. он не был на ярмарке, как указал сам: «по случаю забастовки рабочих» [Киевлянин, 1907, № 49, с. 8].

Особенностью Киева было отсутствие компактных мест либо обособленных окраинных районов для преимущественного проживания отдельных групп определенного этноса. Обычно такое расселение проходило равномерно по всему городу. На выбор места проживания влиял и род занятости, и место работы. Единственным в своем роде является топоним Татарка, который навсегда остался на карте Киева.

Исследователь Ф. Бахтинский отмечал, что, уйдя с Татарки, «татары поселились вокруг Житнего базара. Нижний конец Олеговской улицы, Лукьяновского проулка <...>. И еще нижний конец Мирной улицы» [Бахтинский, с. 30]. Эта ситуация в расселении оставалась характерной и для последних десятилетий XIX – начала XX века, хотя и не была показательной. Проживавшие в Киеве представители тюркского этноса занимались преимущественно торговлей, чаще мелочной, а также торговлей вразнос и выпечкой и продажей хлеба. Поэтому местность для поселения между двумя крупными рынками, Житним на Подоле и Лукьяновским, очень им подходила.

Поначалу приезжавшие в Киев татары арендовали жилье в одно-двухэтажных домах местных мещан. Сейчас этот район сильно изменился. Дома, которые хранили повседневную историю старого Киева, снесены в 1980-е гг., на карте современного города уже нет Мирной улицы.

Занятыми в хлебопекарском ремесле чаще всего были турецкие подданные. Таких в Киеве

по переписи 1897 г. насчитывалось 223 человека (муж. – 188, жен. – 35), в 1917 г. – 246 (муж. – 197, жен. – 49) [Ходос, 1926, с. 23]. Некоторые из них содержали свои пекарни, булочные, изредка даже кофейни и столовые. Довольно удачливыми и предприимчивыми в этом плане оказались, к примеру, Чолак-Заде Халит Эфенди (Чолаков Халит), Ахмед Ферах-Заде, Халит Кичь-Кичь Оглы и др.

В этих заведениях работали, соответственно, их соотечественники, те же турецкие подданные. Однако работу там находили и представители других национальностей. Примечательно, что быть турецкоподданным означало лишь наличие подданства Османской империи. Известно, что далеко не все подданные турецкого султана были этническими турками. Это в данном случае всего лишь констатация «гражданства». Поэтому в среде таких булочников-турецкоподданных были и армяне, и греки, и другие народности. В местных газетах того времени можно найти небольшие заметки о наложении административных штрафов на владельцев подобных заведений. Время от времени городской санитарный врач Киева совершал осмотры торговых заведений и производственных предприятий. Получить штраф могли все нерадивые владельцы пекарен, среди них и турецкие подданные. И как результат – протокол и штраф в 30 или 40 рублей. Размер первого штрафа – «за антисанитарное содержание помещения своих заведений», второго – «за тесное и грязное содержание помещения своих рабочих» [Киевлянин, 1900, № 150, с. 3]. Если досмотры проводил не врач, а полиция, то случались и аресты:

«<...> на Бессарабском базарѣ арестованы полиціей турецкіе подданные Ахмедъ-Османъ-Эфенди-Оглы и Али-Визо-Усто-Уло-Оглы; арестованные торговали на рундукѣ булками; у нихъ при обыскѣ найденъ кинжалъ и болѣе 100 патроновъ для ружей-берданокъ» [Киевлянин, 1907, № 197, с. 3] (сохранена орфография и пунктуация источника. – Н. З.).

В 1907 году такие эпизоды уже не представляли редкость, хотя в целом какие-либо громкие преступления со стороны турецких подданных совершались отнюдь не булочниками, а приезжими «гастролерами». Примечательно, что о татарах в местной прессе подобные публикации встречаются крайне редко, одно из таких зафиксированных сообщений:

«<...> во время ссоры, татаринъ мѣщ. Динте-миръ Теленовъ нанесъ ножомъ рану въ лицо крест. Василисѣ Слѣдковской. Пострадавшей врачемъ скорой помощи оказано медицинское пособіе, и виновный привлекается къ отвѣтственности» [Киевлянин, 1904, № 182, с. 3]. (сохранена орфография и пунктуация источника. – Н. 3.).

При этом нами не учитывались сообщения с формулировкой «какой-то неизвестный татарин». Следует отметить, что со временем ситуация менялась: например, в 1916 г. задержанных за преступления татар значится 32 человека, в 1917 г. – 27. В статистике (по вероисповеданию) значилось среди арестованных 27 магометан [Нова Рада, 1917, № 163, с. 2].

Существовали и другие статистические рейтинги относительно мусульман: к примеру, по состоянию на 1904 г. в Киеве проживало 676 магометан. А среди «лиц, торгующих по свидетельствам 4 и 5 разрядов» (к коим относились мелкие розничные ларьки, лавки и рундуки, в которых обслуживал сам владелец, мелкие заведения бытового обслуживания, развозная и разносная торговля), караимов и мусульман было 16 человек. В этом же году станция «Скорой медицинской помощи» оказала услуги 10 магометанам [Весь Киев, 1907, с. XXIII, XXIV].

Татары, приезжая в Киев, оставались здесь навсегда, перевозили семьи, ближайших родственников и, как водится, обзаводились детьми. Свидетельством таких миграций являются не только воспоминания старожилов, но и статистика рождения маленьких киевлян-магометан. Так, например, в 1912 г. в мусульманских семьях родилось 25 детей (мальчиков – 13, девочек – 12). Правда, учитывая, что в тот год в Киеве появилось на свет 11 144 ребенка, указанная цифра не выглядит слишком впечатляющей [Известия Киевской Городской Думы, 1913, № 4, с. 3]. А в августе 1908 г. родилось 5 детей (м. – 3, д. – 2) [Известия..., 1908, № 9, с. 1]. Аналогичная ситуация повторилась и в январе 1915 г. – 5 детей (м. – 3, д. – 2) [Известия..., 1915, № 5, с. 3]. Также были зафиксированы (скорее, как исключение) случаи рождения и внебрачных детей. Так, из родившихся в июле 1909 г. двух мальчиков один был рожден вне брака [Известия..., 1909, № 7–8, с. 1]. И в ноябре 1914 г. из 2 мальчиков и 2 девочек 1 мальчик отмечен как внебрачный [Известия..., 1915, № 3, с. 3]. Сведения о рождении детей у мусульман иностранных подданных зафиксированы лишь единожды в феврале 1909 г.

При этом, несмотря на определенную замкнутость общины, случались и смешанные семейные союзы, хотя и единичные. Так, одно архивное дело раскрывает некоторые подробности таких отношений. Татарин Незамыдин Богоудинов (Незаметин Багаутдинов), который был родом из «с. Несибашъ, Золоустовского у., Уфимской губернии», после девяти лет сожительства хотел узаконить свои отношения с киевской мещанкой Анастасией Полиховой. Однако, судя по изложенным в деле материалам, эта история не имела счастливого завершения [ДАКО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 310. Л. 30, 36].

Согласно данным переписи 1897 г., магометанское население Киева (1759 человек) было представлено преимущественно возрастной группой 20–29 лет, следующая группа – 30–39 лет, и далее – 10–18, 40–49, 1–9, 50–59 лет. Цифры показывают, что это были в основном молодые люди трудоспособного возраста [Первая..., с. 278–279].

Перепись 1897 г. предоставляет нам данные о «распределении населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка». Основные позиции для носителей татарского языка в профессиональной деятельности, кроме «вооруженных сил», были «торговля разносная и развозная», «обработка растительных и животных питательных продуктов», «торговля продуктами сельского хозяйства» [Там же, с. 198–199].

Впрочем, некоторые из татар со временем открывали собственное дело, занимались предпринимательством, и бизнес их, если судить по рекламе, был не только успешным, но и довольно прибыльным. Таким примером, несомненно, может служить ставшее модным в то время изготовление кумыса и кефира, рекламировавшихся по всей империи как оздоравливающие продукты. На одной из центральных улиц города – Фундуклеевской (ныне Богдана Хмельницкого) – находилась контора, где принимались «заказы на доставку кумыса и кефира на дом». Таким видом деятельности занимался Аляветдин Камалидинов (встречается и как Камалетдинов). Его «фирма» была основана в 1889 г. Также он торговал кониной на Житнем базаре. Целебный напиток торговец продавал не только в Киеве, но и на городских дачах, на ближайших станциях Святошино и Боярка. А еще предлагал необычную услугу: заказчик мог с помощью мастера приготовить напиток самостоятельно дома [Киев, с. 107]. Данные из ра-

порта полицмейстера за 1909 г. так «рассказывают» нам его биографию:

«Алеуддин Камалидинов, 45 лет, магометанин, происходит из крестьян д. Шубино, Сергачского уезда, Нижегородской губернии, в Киеве проживает более 18 лет, занимается торговлей, имущества здесь не имеет, а на родине имеет дом и 5 десятин наделной земли» [ДАКО. Ф. 1. Оп. 144. Д. 997. Л. 8 об.].

Еще одним предпринимателем в области изготовления и продажи кумыса и «кэфира» был Эксан Ягудов. Его торговые заведения находились в центре города [Киевлянин, 1901, № 131, с. 7]. Позже к его деятельности присоединился и брат Осман Ягудов. Они арендовали у города павильоны для продажи кумыса в Николаевском парке и Царском саду. Цена за такие места, ввиду конкуренции, увеличивалась из года в год [Известия..., 1908, № 3, с. 46].

Не менее успешным был и Батретдин Хабибулин. Вел торговлю казанским мылом [Весь Киев, 1909, стлб. 949]. Это был ходовой товар. Вот почему вышеупомянутый казанский купец «предостерегал» покупателей не путать его с однофамильцами. Более подробные факты о нем раскрывают архивные документы:

«Бедредин Хабибулин, 45 лет, магометанин, происходит из крестьян д. Кочки Пожарки, Сергачского уезда, Нижегородской губернии, в Киеве проживает около 25 лет, занимаясь торговлей мылом в собственном магазине на Крещатикской площади – угол Мало-Житомирской № 1» [ДАКО. Ф. 1. Оп. 144. Д. 997. Л. 8. Весь 8 об.].

Примечательно, что в 1915 году Б. Хабибулин получил в награду бронзовую медаль «за экспонаты на всероссийской выставке 1913 г. в гор. Киеве» [Киевлянин, 1915, № 42, с. 4].

Татары в Киеве не только торговали-продавали, «шурумбурумствовали», но и учились в университете, по крайней мере их дети. Так, Тубакаев Изатулла Аттаулов(ич) (родился 09. 08. 1895 г.) в 1915 г. продолжал обучение на медицинском факультете Киевского университета св. Владимира. В связи с этим он получил отсрочку от призыва в армию. И, очевидно, его родной брат Тубакаев Тявфек Аттаулов (родился 27. 08. 1894 г.) поступил в тот же год на этот же факультет [ДАК]. А их отец, Атаулла Тубакаев, содержал буфет на станции в Жмеринке [ДАКО. Ф. 1. Оп. 144. Д. 997. Л. 10–10 об.]. Также в 1912–1913 гг. в университете существовало «Общество взаимопомощи студентов-

мусульман Университета Св. Владимира». Причастными к его организации, наряду с другими студентами, были и татары. Однако такая деятельность не понравилась властям, и в апреле 1913 г. последовал арест актива организации. Власти все же не нашли состава преступления, и дело было закрыто [Купчик, Дамиров, с. 47–59]. В 1912 г. в стенах университета обучалось 42 студента-мусульманина [Рада, 1912, № 157, с. 2]. В 1915 г. количество таковых уменьшилось до 35 человек [Киевлянин, 1915, № 45, с. 2]. Причиной этому, вероятно, послужило начало Первой мировой войны.

Тюркские народы известны своим ревностным отношением к религии. Ислам всегда выступал силой, которая способствовала сплочению людей и выражалась в поддержке и взаимопомощи для своих единоверцев. Однако в конце XIX в. проявились и другие тенденции: в частности, принятие мусульманами православия. Обычно такие случаи отмечались среди бывших турецких военнопленных, пожелавших остаться в Российской империи и сменить подданство. Так, в отчете Киевского Свято-Владимирского братства ревнителей православия за 1897 г. указано, что среди 103 крещеных лиц были и магометане – четверо мужчин и пять женщин [Киевлянин, 1898, № 40, с. 3].

Возможно, такие факты и подтолкнули киевских мусульман действовать более активно в вопросе обеспечения своих религиозных прав и свобод. Вливаясь в структуру большого города, срастаясь с новой родиной, каким стал для них Киев, тюркские народы всегда старались сохранить одну из важных для себя национально-культурных особенностей, каковой являлся для них ислам. Впрочем, еще с начала 1890-х гг. киевские власти заинтересовались вопросами о магометанах и начали переписку с Таврическим магометанским духовным правлением. А в ноябре 1892 г. к губернским властям обратился с ходатайством уполномоченный от общества татар-мусульман Киева крестьянин Юнис Алимов. Содержание его прошения озвучивало желание общества собираться вместе для «пятимементного молебствия». А поскольку в городе не было мечети, то мусульмане выбрали местом для проведения богослужений частный дом [ДАКО. Ф. 1. Оп. 136. Д. 481. Л. 32]. Так начинался путь мусульманской общины Киева к организации своей духовной жизни и появлению мусульманского молитвенного дома. Чтобы приблизиться к намеченной цели, общине понадобилось несколько лет. За это время «об-

щество приговорили: избрать в качестве духовника-муллы, по-нашему – Имама-Хатибена – Татарина Нижегородской губернии, Сергачевского уезда, Семеновской волости Юнуса-Алимова» [Там же, л. 33]. Кстати, хлопотали об этом как раз уполномоченные от «общества магометан проживающих в г. Киеве татар Нижегородской губернии» уже упомянутый выше – Ксан Ягудов (Эксан) и Шерефендин Хабибулин (брат Батретдина Хабибулина) [Там же]. Наиболее длительной стала переписка между чиновниками. Здесь нет ничего удивительного. Власти Киевской губернии поддерживали начинания мусульманской общины. Чтобы самим разобраться во всех вопросах нового и совсем незнакомого для них дела, им требовалось уточнять множество вопросов, что также оттягивало время. Впрочем, самой медлительной оказалась переписка с Таврическим магометанским духовным правлением.

Длительное ожидание принесло свои результаты. 3 октября 1897 г. для прихожан-мусульман открыл свои двери молитвенный дом. Первоначально молельня и была обустроена в доме, выбранном еще за несколько лет до этого. Это был дом Калиновича, который находился в Лукьяновском переулке № 5 [ЦДІАК України]. Через несколько лет мулла Алимов снова обратился с прошением к чиновникам. У него появилась новая цель-мечта – постройка настоящей каменной мечети и школы при ней. Мусульманская община города, окрыленная подобной идеей, сообща взялась за дело. В 1908 г. жители-мусульмане исходатайствовали у городских властей участок земли и получили 800 сажень на улице Гоголевской [Утро, 1908, № 526, с. 2]. Одна из ключевых проблем, которую предстояло преодолеть мусульманам, заключалась в нехватке средств, нужных для реализации разработанного и утвержденного архитектурного проекта и сметы, так как богатых покровителей у местной общины не было. Не было у них и своего «эмира». Общеизвестно, например, что эмир Бухарский очень деятельно опекал строительство мечети в Петербурге. Кроме того, были еще два существенных препятствия: министр внутренних дел разрешил сбор средств на постройку, но лишь в пределах Киевской губернии, также надлежало выполнить условие и от местных властей и возвести мечеть в срок до 1 января 1914 года [Кальницький, с. 15].

В конце октября 1913 г. был заложен первый камень в фундамент будущей постройки –

магометанской соборной мечети. Все действие такого важного события в жизни киевских мусульман происходило в торжественной обстановке [Закладка магометанской мечети, 1913, с. 2]. Однако этому проекту уже не суждено было исполниться, по крайней мере в начале XX века. Проект стал реальностью только в конце столетия, когда мусульманская община Киева построила мечеть и назвала ее Ар-Рахма.

В 1909 г. Юнис Алимов был назначен на должность штатного муллы Киевского военного округа. Отныне районом его служебной деятельности стали «все части войск управления, учреждения и заведения киевского округа, расположенные на правой стороне р. Днепра» [Утро, 1909, № 846, с. 5]. Свои обязанности он передал преемнику. Новым муллой стал Жианша Жаббаров (Зеганша Абдулзебаров). Ему было 29 лет, и у него имелось специальное образование, полученное в мусульманском училище в Астрахани. Происходил он из «крестьян деревни Шубиной Сергачского уезда Нижегородской губернии». Поселился с женой и тремя детьми на улице Чёрный Яр в доме № 8 [ДАКО. Ф. 1. Оп. 331. Д. 184. Л. 19, 76]. Мусульманский молитвенный дом в то время тоже уже имел новый адрес – улица Черный Яр, дом № 5. Киевским муллой он оставался минимум до конца 1915 г. В итоге Жеганша Жаббаров вернулся в Астрахань, где стал имамом Криушинской мечети [Имашева, с. 44].

В канун больших мусульманских религиозных праздников киевская украиноязычная газета «Рада» помещала информационные заметки о предстоящих торжественных молитвенных собраниях. А городская управа по такому случаю давала разрешение на проведение религиозных обрядов в Контрактовом доме [Рада, 1906, № 36, с. 3]. Это стало постоянным явлением для Киева, поскольку размеры существующего молитвенного дома не позволяли проводить такие мероприятия.

Учитывая тот факт, что практически все члены татарской общины принадлежали к крестьянскому сословию, очевидной является и основная первопричина миграций. Изначально это была трудовая миграция, или так называемое «отходничество крестьян на заработки», которая приводила к постепенному оседанию на новом месте. Сравнивая показатели статистики, мы наблюдаем неспешное увеличение тюркско-мусульманского компонента в городском социуме Киева. Однако стоит упомянуть и о некоторых факторах, которые способствовали

увеличению миграционных потоков. Например, для татар Поволжья такими были неурожайные годы – 1906, 1921. В целом же это был процесс постепенной микромиграции.

Идентификация исключительно татарской либо турецкой компоненты, а также других тюркских народов на данном этапе является затруднительной на фоне общей статистики или исчисления по показателям вероисповедания. Одним из факторов отсутствия точной статистики относительно жителей-мусульман города было позднее появление должности муллы, поскольку значительную часть сведений

статистический комитет получал от церковных приходов или от духовных лиц религиозных общин. Однако поиск архивных документов и материалов другого характера продолжается, они помогут восполнить информационную пустоту, скрытую за строчками цифр. Дальнейшая работа в этом направлении будет способствовать открытию неизвестных страниц, возможно, и не столь далекого прошлого, однако отчасти малоизвестного и скрытого за забытыми фактами, различными событиями и судьбами людей.

Таблица 1.

Численность магометанского населения г. Киева.

	1859 г. (м/ж/всего)	1862 г. (м/ж/всего)	1874 г. (м/ж/всего)	1897 г. (м/ж/всего)	1904 г.	1908 г. (м/ж/всего)	1910 г. (м/ж/всего)	1912 г.
Магометане	6/-/6	10/-/10	70/16/86	1690/69/1759	673	890/373/1263	891/647/1538	1704
Жители Киева, всего	63 015	70 341	116 774	247 723	332 508	450 904	497 187	550 094

Литература

Весь Киев: адресная и справочная книга / издатель: С. М. Богуславский. Киев: Типография 1-й Киевской артели Печатного дела, 1907. 660 с.

Весь Киев: адресная и справочная книга / издатель: С. М. Богуславский. Киев: Типография 1-й Киевской артели Печатного дела, 1909. 776 с.

Галеева М. По следам древних предков: Репортаж о киевских татарах. Киев: [Б.и.], 2000. 37 с.

Закладка магометанской мечети // Киевская мысль. 1913. № 300 (30 октября, среда). С. 2.

Зуб (Руденко) Н. Н. Тюркские народы в Киеве (I половина XX в.) // I Türkoloji Qurultayın 90 illiyinə həsr olunmuş «Türkoloji elmi-mədəni hərəkətdə ortağ dəyərlər və yeni çağırışlar» mövzusunda Beynəlxalq konfransın. Materialları (I hissə). Bakı, 14-15 noyabr 2016-cı il. Bakı: «Elm və təhsil», 2016. S. 400–409.

Известия Киевской Городской Думы. Ежемесячный журнал. Под этим названием издавался в 1880 – 1915 гг. Киев. (на рус. яз.)

Имашева М. М. Криушинская мечеть и ее первый имам (из истории мусульманской общины Астрахани в начале XX века) // Исламоведение. 2014. № 3. С. 36–44.

Киев. Специальный сборник торгово-промышленных фирм для справок по всем отраслям коммерции и профессий. Иллюстрированный путеводитель. Все важные адреса, справки и сведения. Киев: Издание Г.К.Т., 1904. 225 с.

Купчик О. Р., Дамиров А. У. Студенты-азербайджанцы города Киева в общественно-политической жизни Украины (1900–1917 гг.). Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. 160 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Том XVI. Киевская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. 310 с.

Риндюк Н., Риндюк И. Из жизни мусульман Киева (середина XIX в. – 1917 г.) // Украина и исламский мир. 2011. № 5. С. 42–49.

Ходос М.Р. Материалы по статистике населения г. Киева. К., 1926. 194 с.

Бахтинський Ф. По старому Києву. Татарка // Глобус. 1931. № 2 (170). С. 30–31. (на укр. яз.)

Брильов Д. Київська мусульманська громада в дорадянські часи (друга половина XIX – початок XX ст.) // Гілея. 2018. Вип. 129. С. 209–212. (на укр. яз.)

Бубенок О. Б. Мусульманське населення на теренах сучасної України: особливості формування етнічного складу // Східний світ. 2006. № 1. С. 25–48. (на укр. яз.)

Державний архів м. Києва (ДАК) / Государственный архив г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 6063. Л. 18, 24 об., 32.

Державний архів Київської області (ДАКО) / Государственный архив Киевской области. Ф. 1. Оп. 136. Д. 481.

ДАКО. Ф. 1. Оп. 144. Д. 997.

ДАКО. Ф. 1. Оп. 331. Д. 184.

ДАКО. Ф. 2. Оп. 75. Д. 310.

Ернст Ф. Контракты та Контрактовий будинок у Києві: культурно-історичний етюд. Київ, 1924. 116 с. (на укр. яз.)

Кальницький М. Під знаком півмісяця // Янус. Нерухомість. 1999. № 10. С. 14–15. (на укр. яз.)

Київ: провідник / за ред. Ф. Ернста. Київ: Держтрест «К.-Д.», 1930. 797 с. (на укр. яз.)

Киевлянин – ежедневная (с 1879 г.) общественно-политическая и литературная частная газета. 1864 – 1919. Киев. (на рус. яз.)

Нова Рада – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. 1917–1919. Киев. (на укр. яз.)

Рада – ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. 1906–1914. Киев. (на укр. яз.)

Утро – ежедневная политическая, общественная, литературная и экономическая газета. 1906–1916. Харьков. (на рус. яз.)

Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАК України) / Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев). Ф. 127. Оп. 1051. Д. 675.

Якубович М. Іслам в Україні: історія і сучасність. Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2016. 264 с. (на укр. яз.)

КИЕВ ШӘҺӘРЕНДӘГЕ ТӨРКИ ХАЛЫКЛАРНЫҢ СОЦИАЛЬ-ИКТІСАДИ ТОРМЫШЫ ТАРИХЫНА: МИГРАЦИЯ ҺӘМ АДАПТАЦИЯ (XIX ГАСЫР АХЫРЫ – XX ЙӨЗ БАШЫ)

Наталия Николаевна Зуб (Руденко),
Украина Милли фәннәр академиясенә
А.Е. Крымский исемендәге Шәрәк институты,
Украина, Киев ш., Грушевский ур., 4 нче йорт,
rudenkonatalie@yahoo.com.

Мәкаләдә XIX гасырның соңгы унъеллыгы – XX гасыр башында Киев шәһәрәндә яшәгән төрки халыкларның тарихы һәм социаль-икътисади тормышы тикшерелә. Хезмәттә әлегә кадәр фәнни әйләнешкә кертелмәгән күп кенә чыганаclar һәм архив материаллары кулланыла. Статистикага аерым игътибар бирелә, мәгълүматларны җыю һәм исәпкә алу үзенчәлекләре яктыртыла. 1917 елга кадәргә статистикада барлык төрки халыклар да «төрки-татар тел төркеме» гомуми классификациясенә кертәп карала. Мондый караш шактый күп милләтләрне билгеләү барышында билгеле бер авырлыclar тудыра. Дини принципка нигезләнгән статистика да кайбер кыенлыclar китерәп чыгара. Мәсьәләгә төрле яклап якын килү нәтижәсендә, Киев мөселманнары көнкүреш һәм эшчәнлегенә һөнәри шөгыльләреннән алып рухи тормышларына кадәргә барлык яклары ачыклана. Туып-үскән һәм күнәгелгән социомәдәни яшәү тирәлеген алыштырганнан соң, төрки этнос вәкилләре үзләре өчен икенче йортка әйләнгән зур күп милләтле шәһәрдә әкрәнләп ныклы итеп урнашалар. Төрки этнос өчен берләштерәп торучы фактор булып һәрвакыт ислам саналган, бу мөселман җәмгыятенә бердәм булуында да чагылыш таба. Хезмәттә шулай ук Киев шәһәре мөселман җәмгыятенә кайбер вәкилләре тормышыннан аерым фактларга ачыклык кертәләр.

Төп төшенчәләр: Киев, төркиләр, татарлар, мөселманнар, мулла, мәчет, статистика.